

Научная статья

УДК 911

doi: 10.17072/2079-7877-2023-1-164-179

**КУЛЬТУРНЫЕ ЛАНДШАФТЫ ПРИКАМЬЯ И УРАЛА
(ПО МАТЕРИАЛАМ КНИГИ В.И. НЕМИРОВИЧА-ДАНЧЕНКО «КАМА И УРАЛ»)****Анастасия Владимировна Фирсова**Пермский государственный национальный исследовательский университет, г.Пермь, Россия
firssowa@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1225-3200>, SPIN-код: 8059-1930, Author ID: 639724

Аннотация. Географический потенциал русской литературы, который заключается в создании образных описаний местностей, слабо используется в целях туристского проектирования. Отчасти это связано с тем, что разработкой методики комплексного географического анализа художественных текстов занимаются специалисты в области гуманитарной географии. В данной статье дается пример такого анализа книги В.И.Немировича-Данченко «Кама и Урал» в четырех аспектах: 1) литературно-географический контекст путешествия, который предполагает обзор основных текстов, включающих описание маршрутов проникновения на Урал и базовые представления о регионе; 2) концепция культурного ландшафта, которая позволяет выделить внутренние границы территории и этапы путешествия; 3) географические образы четырех этапов; 4) художественные приемы (цвет, запах, звук), создающие динамическое описание ландшафта. В процессе анализа литературного путешествия сделан вывод, что очерки Немировича-Данченко отражают структурные компоненты разных культурных ландшафтов Прикамья и Урала; в книге созданы географические образы, нашедшие развитие в творчестве писателей XX–XXI вв. Четыре этапа пути, пройденные в конце XIX в. Немировичем-Данченко, являются действующим каркасом круизных, активных и культурно-познавательных туристских маршрутов. Его книга является ценным источником образных описаний, которые могут использоваться с целью выявления новых аттракций, создания маршрутов, наполнения существующих маршрутов дополнительными смыслами, написания текстов путеводителей и разработок экскурсионного текста. Материалы статьи могут быть использованы при создании атласа-справочника «Литературные путешествия по России», призванного отразить важнейшие литературные путешествия на Русский Север, Юг, по Уралу и в Сибирь.

Ключевые слова: литературное путешествие, Василий Иванович Немирович-Данченко, географический анализ художественных текстов, литературная география, Пермский край, Урал

Благодарность: исследование выполнено при поддержке Всероссийской общественной организации «Русское географическое общество» (грантовый проект № 02/2021-И «Первый литературный атлас России: важнейшие литературные места, ландшафты, путешествия и образы»).

Для цитирования: Фирсова А.В. Культурные ландшафты Прикамья и Урала (по материалам книги В.И. Немировича-Данченко «Кама и Урал») // Географический вестник. 2023. № 1(64). С. 164–179. doi: 10.17072/2079-7877-2023-1-164-179.

Original article

doi: 10.17072/2079-7877-2023-1-164-179

**CULTURAL LANDSCAPES OF PRIKAMYE AND THE URALS (BASED ON THE BOOK
OF VASILY NEMIROVICH-DANCHENKO ‘THE KAMA AND THE URALS’)****Anastasija V. Firsova**

Perm State University, Perm, Russia

firssowa@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1225-3200>, SPIN-код: 8059-1930, Author ID: 639724

Abstract. The geographical potential of Russian literature, which consists in creating figurative descriptions of localities, is poorly used for the purposes of tourism development. This is partly due to the fact that the method of complex geographical analysis of literary texts is developed by specialists in the field of humanitarian geography. This article provides an example of such an analysis and considers the book by V.I. Nemirovich-Danchenko The Kama and the Urals in four aspects: 1) literary and geographical context of the journey described, which involves a review of the main texts including a description of routes to the Urals and basic information about the region; 2) the concept of the cultural landscape, which makes it possible to distinguish the internal boundaries of the territory and the stages of the journey; 3) geographical images of the four stages; 4) artistic techniques (color, smell, sound) that create a dynamic description of the landscape. The paper shows that Nemirovich-Danchenko's essays reflect the structural components of various cultural landscapes of the Kama region (Prikamye) and the Urals. The book created geographical images that were further developed by writers of the 20th -21st centuries. The four stages of the route taken by Nemirovich-Danchenko at the end of the 19th century constitute the framework of currently offered cruise, active, cultural and educational tourist routes. The studied book is a valuable source of figurative descriptions that can be used for identifying new attractions, creating routes, filling existing routes with new implications, writing guide texts, and creating excursion texts. The materials of the article can be used to create an atlas-reference book Literary Travels Around Russia, designed to describe the most important literary travels to the Russian North, South, the Urals, and Siberia.

Keywords: literary journey, Vasily Nemirovich-Danchenko, geographical analysis of literary texts, literary geography, Perm region, Urals

Acknowledgment. The study was supported by the Russian Geographical Society (grant project No. 02/2021-I "The first literary atlas of Russia: the most important literary places, landscapes, travels and images").

For citation: Firsova A.V. (2023). Cultural landscapes of Prikamye and the Urals (based on the book of Vasily Nemirovich-Danchenko 'The Kama and the Urals'). *Geographical Bulletin*. No. 1(64). Pp. 164–179. doi: 10.17072/2079-7877-2023-1-164-179.

«Меня давно манило в самую глубь Урала...».

Немирович-Данченко

Введение

Литература путешествий всегда играла важную роль в освоении отдаленных территорий нашей страны, и Уральский регион здесь не был исключением [17]. Формирование географических представлений о нем происходило под влиянием разножанровых текстов: житийной литературы, путевых записок дипломатов XII–XVI вв., писцовых книг XV–XVII вв., отчетов о научных экспедициях XVIII в. и особенно литературных путешествий. По мнению Е.Г. Власовой, литературные путешествия XIX в. стали визитной карточкой региона [6]. Жанр путевого очерка оказал определяющее влияние на формирование образа Урала как преддверия Сибири, рубежа, где заканчивался европейский центр и начинался азиатский Восток.

Литературное путешествие как жанр отличается от документального очерка стремлением автора связать в единый художественный образ конкретику географических впечатлений и противоречивую жизнь человека, духовно-эмоциональное состояние личности, открывающей в новых пространствах свои духовные ориентиры. Литературное путешествие – это способ отобразить географическое пространство в виде динамических нарративов, спроецированных вдоль определенных транспортных магистралей.

Тексты путешествий одинаково интересны и географам, и филологам. В традиции культурной географии образы пространства, созданные писателями, рассматриваются в контексте учения о культурном ландшафте, в филологической науке – в рамках направлений литературной регионалистики и геопоэтики. Общим методологическим основанием для междисциплинарного взаимодействия становится понятие геокультуры как процесса и результата развития географических образов в конкретной культуре [10, с. 5–12].

Сопоставляя тексты путевой литературы, можно смоделировать карту маршрутов-нарративов, которая зафиксирует повторяющиеся значения, образы и сюжеты той или иной транзитной территории. Сопоставление нарративов позволит обнаружить важные структурно-содержательные особенности образа региона, сложившиеся в разные периоды его литературного освоения. Для создания образной карты важно выбрать наиболее репрезентативные тексты, которые включают маршрут основного входа на территорию и варианты отклонений (траверсных маршрутов), позволяющих проникнуть вглубь. Важно, чтобы в описании были представлены те качественные характеристики, которые географы называют «формулой места» [12, с. 20], а филологи — «локальным текстом» [1, с. 27]. В качестве такого произведения рассмотрим книгу путевых очерков В.И. Немировича-Данченко «Кама и Урал».

Цель статьи – проанализировать путевые очерки В.И. Немировича-Данченко «Кама и Урал» в соответствии с комплексной географической методикой исследования литературных путешествий, предложенной В.Н. Калуцковым [14], и рассмотреть текст и территорию в четырех аспектах: 1) географические и литературные контексты путешествия; 2) компоненты культурного ландшафта, формирующие локальные образы; 3) географические образы мест на разных этапах маршрута; 4) приемы динамического описания ландшафта – цвет, запах, звук.

Авторской гипотезой является предположение, что произведение, в котором отражены структурные компоненты *культурного ландшафта*, формирует продуктивные *геопоэтические образы*, имеющие значение для прикладных задач туристского

легендирования. Актуальность подобных исследований важна с точки зрения прагматики культуры – географические объекты и связанные с ними геоэпитетические образы изучаются с целью туристского проектирования и брендинга территорий.

Географические и литературные контексты путешествия книги очерков «Кама и Урал»

Географические образы Урала начинают формироваться в эпоху Средневековья, когда купцы Волжской Болгарии X–XIII вв. вели оживленную торговлю с народами, населявшими берега рек Камы и Чусовой, и составляли географические описания мест, по которым пролегал «Великий меховой путь». Пушнина, добытая на Урале и в Сибири, доставлялась в Персию, а оттуда в Пермские земли везли серебряную посуду и украшения. По свидетельствам болгарских купцов, арабские географы составляли карты мира – на карте Ал-Идриса (XII в.) отмечена р. Итиль, которую идентифицируют с современной Волгой-Камой. Следуя по р. Итиль, путешественники попадали в страну Вису — «страну мрака», где живет дикий народ, питается мясом, одевается в шкуры и передвигается на лыжах [16]. Страна Вису граничила с ареалом жизни тюркских народов. Образ Урала как места общежития тюркских, угро-финских, славянских народов станет одним из устойчивых сюжетов в очерках Немировича-Данченко и в других литературных путешествиях XIX в.

Русским людям в XII в. р. Кама также была известна, причем проникали сюда как со стороны р. Волги, так и от р. Печоры. Упоминание речных путей встречаем в Никоновской летописи и в Московском летописном своде: *«Князь Юрий Всеволодович посла брата своего Святослава на безбожные болгары и с ними посла полки своя... из Ростова полк посла, а други с Устюга на верх Камы...»* [16, с. 10]. Из летописных источников видно, что русские посещали р. Каму в 1336, 1375, 1409 гг. В 1472 г. земли Перми Великой были присоединены к Московскому государству. Княжество Пермь Великая на р. Вишере одним из первых описал барон Сигизмунд фон Герберштейн в «Записках о Московии» (1517, 1526 гг.). Он сообщает, что на территорию Верхней Камы существовал сухопутный путь, но преимущественно зимой. Летом проще было идти на судах, через Вологду, Устюг, далее по р. Вычегде, волоком до р. Вишеры [16].

С XVIII в. началось активное промышленное освоение Урала. Через регион прошли Первая (1725) и Вторая (1733–1743) Камчатские экспедиции. Маршруты экспедиций повторили два известных пути на Урал. Маршрут первой проходил на подводах через города Вологду, Сольвычегодск, Соликамск, Верхотурье, Тюмень, Тобольск. Через Уральские горы отряд следовал по Бабиновскому тракту. Для Второй Камчатской экспедиции, в которую отправились более пятисот человек, был выбран другой маршрут. Из Петербурга на подводах ехали до Твери, а затем погрузились на суда, которые шли по р. Волге до Казани и по р. Каме до Осы. В Осе было изготовлено несколько сотен саней, в ноябре по снегу обоз покинул Осу и направился в сторону Кунгура и далее на Екатеринбург.

В конце XVIII в. Императорская Академия наук предприняла пять физических экспедиций по изучению восточных рубежей Российской империи. Три из них были посвящены Уралу: экспедиция И.И. Лепехина, П.С. Палласа и И.П. Фалька. По итогам экспедиций вышло несколько томов путевых отчетов с подробным описанием географии, экономики и культуры Урала. В общекультурном отношении эти отчеты призваны были довести до сознания российской общественности целостный образ Урала. Е.Г. Власова отмечает: *«...Констатация эмпирических фактов, сопровождаемая образным описанием, по мере их накопления приводит к формированию семантических презумпций – геокультурных значений. <...> Одной из устойчивых формул уральского пространства станет сформировавшееся тогда представление о его первобытной древности – геологической, палеонтологической, исторической и культурной»* [6, с. 162].

Удаленность Урала от Центральной России, его географические особенности, система представлений о доисторическом прошлом предопределили притягательность региона для

очеркистов XIX в. — писателей, чиновников, вольных путешественников и ссыльных: А.Н. Радищев «Записки из Сибири» (1790), Ф.Ф. Вигель «Записки» (1805–1806), П.И. Мельников-Печерский «Дорожные записки» (1842), П.И. Небольсин «Заметки на пути из Петербурга в Барнаул» (1846), П.А. Кропоткин «На пути в Восточную Сибирь» (1862), И.С. Левитов «От Москвы до Томска» (1882 г.), С.А. Кельцев «От Москвы до Екатеринбурга» (1887), Д.Н. Мамин-Сибиряк «Старая Пермь. Путевые очерки» (1888), «Уральские рассказы» (1888–1889), Е.Ф. Шмурло «Волгой и Камой. Путевые впечатления» (1889), В.И. Немирович-Данченко «Кама и Урал» (1890), Ф.А. Майер «По Вишере» (1897). Писательский травелог в XIX в. становится первым литературным открытием Урала.

Е.Г. Власова выделяет сетку устойчивых маршрутов по региону, которые положили начало внутренним локальным текстам:

– Сибирский (Московский) тракт: появились сюжеты уральского ландшафта, связанные с колонизацией края и сибирской каторгой;

– пароходный маршрут по Волге и Каме был самым комфортным транспортным сообщением с Уралом во второй половине XIX в., вплоть до постройки Пермь-Котласской железной дороги в 1899 г.;

– Уральская железная дорога, открытая в 1878 г., значительно увеличила пассажирский и туристический поток на внутренний Урал [8, с. 152].

Если охватить этапы формирования географических образов в текстах XII–XIX вв., то можно отметить закономерность: в летописях и научных отчетах отмечалось «лабораторное» накопление данных; путевые очерки позволили эмпирическим наблюдениям и художественным описаниям стать достоянием широкого круга читателей [2, с. 67]. Большую роль в открытии Урала для российских читателей сыграла книга В.И. Немировича-Данченко «Кама и Урал». По сей день она остается репрезентативной для построения карты литературного маршрута по пермскому Прикамью и Горнозаводскому Уралу.

Пространство путешествия как культурный ландшафт – особенность поэтики В.И. Немировича-Данченко

Василий Иванович Немирович-Данченко (1848–1936), брат известного режиссера Владимира Ивановича Немировича-Данченко, популярный писатель России конца XIX в. Он родился в семье командира Кавказского линейного батальона, его детские годы прошли в походной обстановке в Грузии, Азербайджане, Дагестане. Во время русско-турецкой войны Немирович-Данченко был одним из первых военных корреспондентов, освещал события, происходившие на Балканах, побывал в Турции, в Африке, на Ближнем и Дальнем Востоке; после 1921 г. жил в эмиграции. Известным писателем он стал после своего первого путешествия на русский Север, откуда присылал в столичные журналы заметки и очерки, насыщенные этнографическим материалом и описанием пейзажей: «За Северным полярным кругом», «Беломорье и Соловки», «У океана», «Лапландия и лапландцы». За весь период творческой деятельности было опубликовано более шестидесяти томов его произведений. Он является автором многочисленных литературных путешествий: «Страна холода», «По Германии и Голландии», «Очерки Испании», «Земля Марии Пречистой» и др. [9, с. 186].

Путевые очерки «Кама и Урал» — результат путешествия по Каме и Уралу, которое писатель предпринял с конца мая до начала сентября 1875 г. Очерки публиковались циклами, в 1877–1884 гг., в журналах «Дело», «Русская речь» и «Исторический вестник», а также в газете «Русские ведомости». Позднее 65 очерков вошли в книгу «Кама и Урал» (1890 и 1904 гг. издания).

Книга не раз становилась предметом исследований: по текстам Немировича-Данченко изучали самосознание населения Урала [18], средства художественной выразительности [3; 9; 19]; функцию картирования пространства, присущую очеркам [2; 6; 7; 8]. Писатель создавал путевые очерки, сосредоточившись на поисках местного колорита, стремился

Рекреационная география и туризм
Фирсова А.В.

понять «подлинную суть Урала», поднимался на вершины гор, сплавлился по бойким рекам, спускался в шахты и рудники, был на солеварнях и приисках, беседовал с прохожими. Благодаря этому повествование приобретало эпический размах, становилось справочным пособием по изучению уральского региона в конце XIX в.

В поле зрения автора попадали самые разные характеристики пространства: рельеф, пейзаж, климат, хозяйственная деятельность, внешность людей, одежда, жилище, речь, обычаи, предания. Столь разноплановые нарративы путешествия структурировали в итоге единое целое, которое соответствует понятию культурный ландшафт. Категория культурного ландшафта подходит для описания художественного мира очерков, поскольку характеризует комплексы явлений. Согласно Ю.А. Веденину, культурный ландшафт формируется в результате эволюционного взаимодействия природы и человека, его социокультурной и хозяйственной деятельности [4, с. 15]. Комплексная природа культурного ландшафта позволяет соединять географические и историко-культурные характеристики в одном описании, не менее важны смысловые составляющие культурного ландшафта, которые принадлежат сфере сознания человека и воплощаются в произведениях искусства, в том числе в литературе [13].

Путевой очерк «Кама и Урал» при всей его обзорности охватывает основные структурные элементы культурного ландшафта – видимый план и план содержания. Детали видимого ландшафта расположены относительно наблюдателя, зафиксированы по сторонам света. Речные просторы, лесные массивы, горные пейзажи вытягиваются в линию маршрута. Автор, а с ним и читатель, вовлечены в оптическую работу разглядывания окрестностей, от общего вида до погружения в ситуацию, от внешнего к невидимому. За каждым визуальным планом встают образы природных богатств, скрытых внутри, – камень, соль, уголь, руда. Всматриваясь, мы различаем живописный слой местности и ее второй план – социальный, экономический. Включая в свое повествование чужие рассказы, Немирович-Данченко погружает нас в стихию местного мышления, выявляет ментальные образы, ценностные смыслы регионального сознания, образ мира, запечатленный в нарративах. Многочисленные топонимы, гидронимы, названия урочищ также направлены на общее впечатление разворачивающейся карты Урала. На каждом этапе этого путешествия возникает своя система географических образов.

Основные этапы путешествия и географические образы

Маршрут Немировича-Данченко впечатляет охватом: на пароходе из Нижнего Новгорода он добрался через Лаишев, Елабугу, Челны, Сарапул, Осу до Перми, оттуда паромом же поднялся вверх по Каме до строгановского Усолья. В Усолье закончился первый *пароходный этап маршрута*. Из Усолья долиной р. Яйвы он доехал в повозке до пос. Кизел, осмотрел его окрестности в радиусе до 30 верст: Александровский завод, Луньевку и Шабурное (пос. Всеволодо-Вильва) и через гору Белый Спай добрался до пос. Няр в среднем течении р. Косьвы. Это второй этап путешествия – *в повозке к горнозаводскому западному Уралу*. Далее Немирович предпринял *сплав по р. Косье* к окрестностям горы Ослянки (1119 м.), а потом вниз по р. Косье, минуя пос. Губаху, доплыл до р. Камы и остановился в центре горнозаводского округа — в пос. Чермоз. Отправился в г. Пермь, а оттуда по Сибирскому тракту через Кунгур, Суксун, Бисерт и Билимбай доехал до Екатеринбурга, Невьянска, потом в Нижний Тагил, в Верхнюю и Нижнюю Салду. Это четвертый сухопутный этап *по Сибирскому тракту в центр Демидовского Урала*.

Пароходный маршрут по Каме. Повествование начинается с устья р. Камы, пароход движется вверх по течению, путешественник находится на палубе, перед ним разворачиваются панорамы речного ландшафта, в которых доминируют два образа: ширь полноводной реки и оживленная работа плотников, грузчиков, матросов, извозчиков на пристанях.

Путешествие на пароходе накладывает отпечаток на манеру повествования [5]. Здесь нет физического контакта с окружающим миром, путешественник находится в состоянии фланера, физически не утомлён, свободно движется в пространстве. Созерцательность делает

Рекреационная география и туризм
Фирсова А.В.

описание литературным. Окрестный пейзаж сравнивается с картиной в раме, с экраном синематографа, появляется репортажное воспроизведение всего, что происходит на берегу. В пейзаже нет статики, все находится в плавном движении, доминируют мотивы приволья и прохлады: «Воды Камы, когда вступаешь в нее, полнее верхних вод Волги. Медленно и спокойно струится она, точно убаюкивая суда, среди своих зеленых понизей. Оглянешься назад, синими сливающимися тонами уже выступают обрывы волжского берега, а дальше переходят в лиловую кайму, на которой темными пятнами разбросаны села...» [15, с. 25]. Сёла Богородское (Устье Камы) и Рыбная Слобода — бойкие места торговли: «здесь осетры по всей Каме славятся», стоит «смолистый запах сосновых досок, запах луба, мочала, теса», народу «как комаров толчется» [15, с. 27].

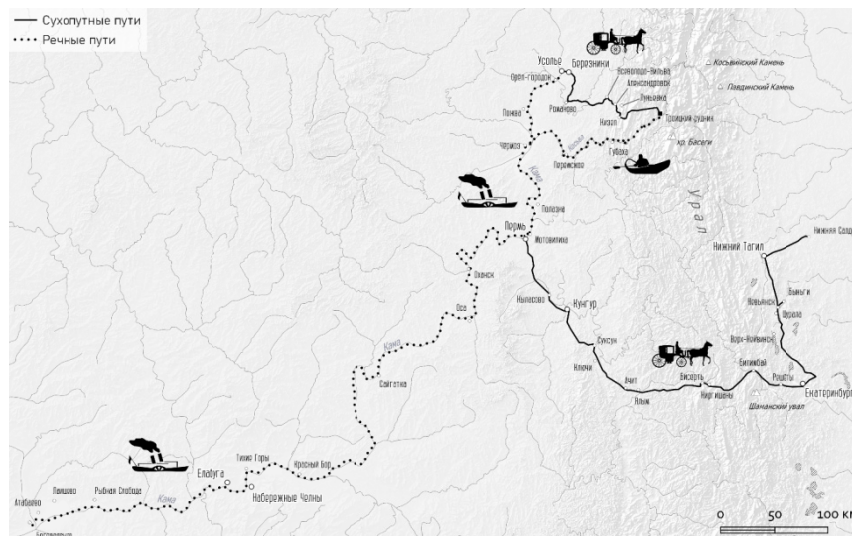

Рис. 1. Маршрут и этапы путешествия В.И. Немировича-Данченко по Уралу

(автор карты О.М. Железный, В.М. Матасов): 1 – пароходный маршрут по р. Каме; 2 – в повозке к горнозаводскому западному Уралу; 3 – сплав по р. Косье в лодке-душегубке; 4 – по Сибирскому тракту в центр Демидовского Урала

Fig. 1. The route and stages of V.I. Nemirovich-Danchenko's journey through the Urals. Compiled by O.M. Zhelezny, V.M. Matasov
1 – a steamship route along the Kama River; 2 – a journey in a cart to the Western Urals, a region specializing in mining industry;
3 – rafting on the Kosva River; 4 – along the Siberian Track to the center of the Demidovs' Urals

Появляется первый типичный персонаж культурного ландшафта реки – лоцман. Беседа с ним расширяет охват видимого пространства, речь идет уже не только о р. Каме, но и о реках Чусовой, Вятке, на которых вырастает и «кормится» человек: «На Чусовой – все судовщики, ну, эти и питаются от барки! Которые из них настоящие хозяева, кондовые, те сами строят, а эти в бурлаках бегают» [15, с. 19].

Наблюдения, схожие с идеей географического детерминизма, будут развиваться на протяжении всего маршрута: рожденный на реке связан с речным хозяйством, в лесу – с охотничьим промыслом, на сользаводе – с соледобычей, на прииске – с работой старателя, на руднике – рудознатец, на железодельном заводе – механик.

По берегам тянутся поля и возникают образы житницы – это татарские села Табаево, Епанчино, Лаишев, центры торговли хлебом на Каме, здесь хлебородная земля и пахнет навозом.

Ближе к Елабуге, по правому берегу Камы, начинаются панорамы лесов: «Наконец и леса показались. Выступами, зелеными облаками в реку входят они, свежие, чистые, хорошие. В серый день теперь они красивы, что же под ярким солнцем, когда в изумрудном блеске своем стоят они над этой изумрудною рекою!» [15, с. 33].

Меняются пейзажные кулисы, и на палубе появляется новый типичный герой – лесопромышленник. Начинается территория, ценность которой измеряется кубометрами проданного леса, но и она остается позади. Урал, куда направляется автор, – это необъятное

таежное пространство, перед которым беспомощен человек. Чтобы передать эту идею, автор вводит еще двух «лесных» персонажей – старика-старообрядца и бабу-старательницу. Для первого лес – это спасенье и храм Божий, для старательницы – это золотое дно и гиблое место. Мотивы «лес – храм», «лес – океан», «лес – царство» будут повторяться на протяжении всего путешествия.

Немирович-Данченко много путешествовал, поэтому, описывая Урал, он часто использует прием аналогии: уральскую старательницу сравнивает с женщинами-промысловиками Кольского полуострова: *«та же сила, смекалка и распущенность»*; р. Кизел – с р. Терiberкой, шиповник по берегам – с цветущими долинами в Финляндии, Меловые горы на Каме – с Жигулями. Так от описания конкретной локации он переходит к пространствам целой страны, подчеркивая, что каждое географическое место уникально и типично одновременно.

Спокойная и мощная река, лесные панорамы, синеватые возвышенности на горизонте формируют эпический образ, который эффектно дополняется фольклорными сюжетами: *«начиная от Елабуги и выше, что ни место – то былина»*. Предания о древней чуди, Ермаке, татарской княжне, Строгановых, Демидовых, о Ермачках и Фелиците (разбойниках жестоких и праведных) словно вырастают из окружающего ландшафта, они привязаны к природным объектам – омутам, скалам, пещерам, горам, рудникам, шахтам: *«Миром легенд кажется эта даль, заставленная мрачными горами»* [15, с. 289].

Колорит камских ландшафтов дополняют этнографические зарисовки: татарские поселки Лаишев, Челны, Елабуга, Пьяный Бор по быту и укладу превосходят русские деревни. От Тихих Гор (Менделеевск) и до Пьяного Бора (Красный Бор) вновь поднимаются леса – дубы, липы, орешник. Название Пьяный Бор объясняется тем, что растет на опушках *«пьяная земляника»*, но далее оказывается, что в этих местах люди *«шибко пьют»* и в Сарапуле четыре винокурни, а в Елабужском уезде – шестнадцать. За Каракулиным по Каме начинаются липовые леса, возле села Сайгатка, городка Осы мужики живут пчеловодством. Описание губернской Перми выбивается из общей экологической тональности, дана характеристика провинциальной захолустной жизни, на двадцать лет отстающей от столиц.

За Пермью, ближе к Полазне, вновь вырастают диковинные пейзажи: *«Массы белого камня горбами выдаются над водою; иные на значительной высоте и совершенно правильной формы, точно пьедесталы, приготовленные для каких-то колоссальных статуй»* [15, с. 87]. Автор сравнивает их со святогорскими скалами на Донце, но камские выглядят грандиознее. Мужики, что грузят камень на барки, описаны как настоящие *«чудские типы»*: скуластые, узкоглазые, сильные, *«руки, что твоя лопата»*. Далее по маршруту встретятся крестьяне-пермяки, близ устья р. Иньвы, на пристани пос. Пожвы. Пермяки описаны как персонажи изоморфные лесу: *«какие-то уж особенно сумрачные пермяки», «всклоченные, глаза из-под волос»* [15, с. 89].

Пароход привозит Немировича-Данченко к Усолю: *«Чем ближе к Усолю, тем вид берега становится все тише и печальнее»*. Лес вырублен, поля лишены зелени. Половина чердынского населения живет рубкой и сплавом дров для усольцев. Все хозяйственные постройки – заводы, амбары, режи, брусья – выглядят как живые: *«тяжело пыхтят душныя газовые заводы», «насупились разваливающиеся варницы», «амбары просолились насквозь», «здесь потеют соляным раствором и плачут соляными слезами»* [15, с. 99]. Люди здесь под стать уродливым строениям, они подобны волам *«в образе человеческого»*, работают *«варварским живым трудом»*. В плачевном состоянии находятся старые солеварни Строгановых, Шуваловых, Голицыных, они пришли в *«мерзость запустения»* оттого, что *«рабочие дороги, а лесу и совсем нет»* [15, с. 201]. Гнетущее впечатление производит на автора Усолье, он уезжает не оглядываясь, далее путь лежит в заводской пос. Кизел.

Рекреационная география и туризм
Фирсова А.В.

Первый этап пути завершен. Образ Камы получился панорамным и динамичным, его составляющими стали рельеф (высокий и пологий берег, поля, лесные массивы), пейзаж (луговой, лесной, сельский), геологические особенности (обнажения красной глины, известняк, мел, соль), топонимы (тюркские, русские, пермские названия), экономика (торговля, крестьянство, плотницкое дело, рыболовство, пчеловодство, пароходство, лесозаготовки, углежог, камнетесы, солевары), культурные герои (Ермак), достопримечательности (панорама Перми, Камский и Мотовилихинский заводы, меловые столбы). Ключевые географические образы: ширь реки и свежесть зелени, оживленные пристани, май. Камский маршрут – это переход от обжитой, освоенной части России, в труднодоступное, таежное, горнозаводское пространство. В наши дни пароходный этап путешествия Немировича-Данченко – это популярное направление речных круизов, практически те же ландшафты наблюдают современные туристы. Книга «Кама и Урал» позволяет взглянуть на территорию в диахроническом аспекте.

В повозке к горнозаводскому западному Уралу. На втором этапе путешествия сужается панорамный обзор – взгляд скользит по узкой извилистой долине р. Яйвы, повозка катится по дороге через села Веретье, Камень, Романово. На пути встречаются «дивные хвойные чащи», по которым разбросаны одинокие выселки: «Кто на опушку выполз с избой, кто поставил свою хатенку у речки, а кто совсем забрался в дрему, в глушь» [15, с. 123]. Здесь живут «древорубы», которые «страдают водобоязнью» – неумытые и непричесанные. Их замкнутый образ жизни искоренил привычку следить за собой: «где тут за собой глядеть» – «скушно покажется». В Романово «рождается хлеб», в округе много овинов и скирд, однако в уральские села тоже «пришла цивилизация» – «пагубу» в село принесли «железнодорожные». Мужики романовские нанялись на строительство полотна, а бабы пустились «во все тяжкие»: «До нас (железнодорожных рабочих. – А.Ф.) десяток яиц стоил гривенник, а баба рубль, а при нас яйца стали рубль, а баба гривенник» [15, с. 119].

Долина р. Яйвы красива, леса лиственные, тьма шиповника на опушках. В верховьях Яйвы, после впадения в нее р. Вильвы, дорогу обступает мрачное царство лесных вершин, дорога отсыпана шлаком: «Подбрасывает тебя, качает, ...иной раз кажется, что кто-то схватил тебя и треплет, всю твою душу вымотать хочет» [15, с. 114]. Расстояние преодолевается медленно, за четыре часа можно проехать не более 15 верст. Когда Немировича-Данченко видит огоньки Кизеловского завода, радуется «не меньше евреев, увидевших землю Ханаанскую».

С Кизела начинается «настоящий Урал» – хвойные чащи, гремучие реки, рудники и заводы. Для создания облика Урала автор использует повторяющиеся метафоры и сравнения: горы – «застывшие волны океана», леса – «зеленые облака», реки – «серебряные нити», скалы – «башни», «замки», «окаменевшие чудовища». Такие панорамы он наблюдает в окрестностях горного хребта Басеги, Косьвинского и Павдинского камней.

На этом этапе путешественник вступает в контакты с местным населением, появляются спонтанные этнографические зарисовки. «Лазаревской Сибирью» называют Кизел местные жители. Лазаревы, владеющие имением на 250 верст по р. Яйве, ссылают сюда людей за провинности с земель плодородных: «Хлеб тут жестокий, в земле рудой лежит, за ним-то покопаешься!». Автор выделяет два типа уральских персонажей: рудокопы, большая часть жизни которых проходит под землей, «в царстве гномов», и металлурги – «железные люди», «стародавние рыцари, закованные в латы».

Труд под землей – каторжный, «кажется рудокопу, что схоронили его глубоко под землю, что ему никогда не выйти из нее, никогда не увидит дневного света». Работа рудокопа сравнивается с древорубом, но она тяжелее: «Древоруб в лесу зимой хоть свет видит, между живых ходит, с волками да зверьми лютыми живет, а все счастливее. А у нас только руда одна да камень. Кто руду не копал, тот Бога не знал» [15, с. 129].

Рекреационная география и туризм
Фирсова А.В.

Жизнь под землей делает человека отзывчивее, сочувливее: *«во тьме, кстати, и сердце говорит громче и правда душе слышнее. На каждом шагу чудится – смерть сторожит»* [15, с. 126]. Появляется мифопоэтический образ руды – это существо потустороннее, идет к достойному человеку: *«Руда еще не дастся – когда роешь, руда не любит, когда неподобные слова говорят, сейчас в глыбь уйдет, а кто не сквернит языком, тому дастся»* [15, с. 126].

«Железных людей» автор встречает на Кизеловском заводе, в центре которого высится доменная печь – *«огнедышащая гора», «вулкан», «алтарь»*. Вокруг домны совершается теургия – ритуальные действия, в результате которых происходит таинство претворения горной породы в металл: *«Эта громадная лаборатория превращалась, раздвигаясь, в лабораторию миров, где неведомые существа ковали из огня и железа мириады звезд, разбрасывая их снопами, струями и ливнями во тьму еще неодухотворенной вселенной»* [15, с. 137]. Новый металл – как рожденный ребенок – никто из жрецов-металлургов не знает, кем станет он, чему послужит – добру или злу.

Встречи с людьми, погружение в их трудовые будни задают социальную проблематику повествованию. Произвол и деспотия управляющих, корысть владельцев, нерациональное природопользование – вот основные причины бедственного положения населения: *«Громадное богатство прикамских захолустий, которыми мы не умели воспользоваться... отсутствие энергии, знаний и разумной широты замысла, хищническое истребление лесов и бессмысленные траты сокровищ, накопленных скопидомными отцами ценою крови и пота рабочих, низвели этот край кое-где до экономического минимума»* [15, с. 124].

В отличие от паровозного этапа, этот отрезок дается с трудом и в физическом, и в психологическом плане. Автор фокусируется на деталях культурного ландшафта: пересеченный рельеф (каменистые кручи, спуски и подъемы), дикий пейзаж (глухие елово-пихтовые леса, узкие речные долины), геология – руда и каменный уголь, экономические и социальные факты – низкооплачиваемый труд, тяжелая работа. Ключевыми достопримечательностями становятся вершины гор, долины речек, заводы и шахты. Географические образы: огромные пространства нетронутых лесов, гремучие реки, людные заводы. Путешественник очарован мощью таежного гористого ландшафта, испытывает эйфорию от того, что забрался в самую глубь Урала и продолжает свой путь к высокой отметке этих мест – горе Осянке.

В наши дни сёл по берегам Яйвы почти не осталось. Исключение – село Романово, здесь добывают нефть и проходит автомобильная трасса Пермь-Березники. После ликвидации угольных шахт в 2000–2005-х гг. г. Кизел и его окрестности стали депрессивной территорией. Литературным аттрактантом этой территории является музей «Дом Пастернака» – в 1916 г. в этих местах, в пос. Всеволодо-Вильва, жил Б.Л. Пастернак [20]. Как и Немирович-Данченко, он восхищался уральскими пейзажами и запечатлел их в стихах «Урал впервые», «Рудник», «Ивака», «Ледоход», вторая часть романа «Доктор Живаго» (глава «Рябина в сахаре») разворачивается в этих местах. Современных туристов привлекают сюда природные и антропогенные достопримечательности – скалы в долинах рек, карстовые пещеры, глубоководные карьеры, сплавы по р. Яйве.

Сплав по р. Косью в лодке-душегубке. На этом этапе путешественника окружает лес, необъятный как стихия, густой как «дрёма». Типичный персонаж этих мест – кедропромышленник (народ сумрачный, неразговорчивый) – живет «лесованием», ходит на медведя и сам выглядит *«зверь зверем»* [15, с. 210]. На ногах его бахилы для болот, на руках – рукавицы с железными когтями. С Ильина дня «орешники» начинают заготавливать шишки, складывают их в колодцах, спрятанных в лесу. Кедры в долине р. Косью растут плотно – от Уральских гор до пос. Губаха, места живописны: *«Мы не могли глаз отвести от берегов Косью. Они то сдвигались сумрачными кругами, к вышине над рекою лесная темень хмурилась, то расступались пологими отмелями, сплошь покрытыми веселыми березняками»*

Рекреационная география и туризм
Фирсова А.В.

[15, с. 210]. Основной способ передвижения здесь – верхом или в повозке, по узкой кромке берега извилистых рек. По реке курсируют «лодки-душегубки», рассчитанные на одного-двух человек: *«Течение быстрое: сплошь крутые переборы да быстрины, ярая вода, чуть зазевался, так вверх доньшком и опружит лодку»* [15, с. 215]. Жизнь копошится, пульсирует на пристани в устье речки Няр. Места горные, красивые, но студёные, заморозки держатся до июня, а иней бывает уже в августе. Все население, прижатое лесом к воде, живет заводскими работами – заготовкой леса, работой в рудниках, сплавами. Лесорубы, сплавщики, рудознатцы, рудокопы – народ выносливый. Жизнь в долине р. Косьвы противоположна заводскому укладу: народ к заводу привык – там округ тебя шум и суета, а здесь только горы насупились. Потому и человек здесь «насупился» – привык молчать среди молчаливых гор.

Немирович-Данченко едет к поселку Троицкий рудник, от которого 40 верст остается до горы Ослянки (1119 м), главной вершины Среднего Урала. Высота Троицкого рудника – 700 футов над р. Косьвой: *«Троицкий рудник – несколько бревенчатых изб и дом управляющего с балкончиком наверху»* [15, с. 218]. Это Растесская волость и Троицкий рудник, которые основали Лазаревы и Строгановы из ссыльных. Скалы здесь красные – железной окисью покрыты, *«все кругом железом скреплено, да железом мощено»* [15, с. 217]. С рудников сплавляют на барках руду до Чермоза. С балкончика дома Троицкого управляющего открывается грандиозный вид на водораздел между речками Косьвой и Усьвой. Над всей окрестностью тяготеет гора Ослянка: *«Дом его на вершине холма. Внизу Косьва делает пять излучин и образует два прелестных острова, огибая их капризными рукавами. <...> Налево гора Троицкая, вся изрытая рудниками, за ней вечные снега и ягелевые пастбища Ослянки. Противоположный берег тоже весь заставлен горами. Это какой-то хаос скал, лесистых склонов, голых вершин»* [15, с. 220]. Здесь путешественник записывает предание о разбойных людях, что жили возле Ослянки, были они не татары и не пермяки, жили при Иване Грозном, их топоры и черепа вырывают здесь до сих пор.

От Троицкого рудника вниз по реке Косьве писатель спускается до пос. Губаха: *«Окрестности, чем далее по направлению к Губахе, тем становятся грандиознее. Не доезжая верст шести до нее, вы совсем обманываетесь фантастическим видом утесов. Это десятки, сотни башен, громоздящихся одна на другую, крепостных стен, перепутавшихся какими-то самыми смелыми и неожиданными зигзагами. <....> Неужели это уголок России? Отчего сюда не направляются наши скучающие туристы?»* [15, с. 228].

В низовьях р. Косьвы занимаются хлебопашеством, начинаются села рыбацкие и земледельческие, стоят православные храмы. Возле с. Перемское и ниже народ живет сильный и рослый, любит работу на открытых местах, в рудник его не загонишь: *«Последнее это дело от солнышка хорониться. Мы не черви в землю заползать»* [15, с. 234]. По берегам Косьвы держат гостевые дома для путешественников, которыми зачастую управляют женщины. Типичный персонаж – женщина деятельная, самостоятельная: *«Косьвинская баба мужика загоняет, тут баба вострая»* [15, с. 235]. Бытуют фольклорные предания о камской разбойнице Фелисате, о Ермаке, который по Чусовой поднимался, а лебедь ему дорогу показывал. Позже этот сюжет переработает П.П. Бажов в сказе «Ермаковы лебеди».

Центром всего округа от истока до устья р. Косьвы вместе с Усольскими и Чусовскими соляными промыслами, Кизеловским заводом, шахтами и рудниками был Чермозский завод. Горный округ принадлежал дворянину армянского происхождения И.Л. Лазареву, который разместил в Чермозе главное правление своего Пермского имения. Чермоз выглядел совсем как город, здесь, на высоком берегу Камы, были спланированы ровные улицы, высились *«красивые дома»* и *«громадные здания»*, по улицам *«рассовались бабы одетые в пестрое»*. На заводе, как и в Кизеле, стоит огромная домна, делают чугун, листовое железо, работают механические мастерские, трудится около 1400 чел. Путешественник беседует с управляющим Н.Н. Новокрещенных об экономическом состоянии имения: *«В Петербурге*

не только не знают Россию, но и не заботятся узнать ее», – отвечает тот [15, с. 249]. По мнению управляющего, кризис заводов связан не с отменой крепостного права, а с Крымской войной, которая вызвала инфляцию. Долги захлестнули владельцев заводов мертвой петлей: *«заводы по уши вошли в долги и ни официальные экономисты, ни владельцы не знают, что с этим делать»* [15, с. 249].

Для развития торговли нужны транспортные коммуникации: в Строгановских и Лазаревских поселках был обустроен Екатерининский канал, цель которого – связать Архангельскую губернию, Вятку, Прикамье и проложить путь к Ирбиту. Замысел не был доведен до конца, только весной Пермская, Вятская и Вологодская губернии могли пользоваться каналом, который наполнялся водой из заводских прудов.

Ключевые географические образы этого этапа: глухой Урал, горы и лес суровый климат, каменистая земля, выносливый народ, эмансипированные бабы, города-заводы – центры технической мысли. Путешественник переживает экстремальные ощущения от сплава на лодке-душегубке, умиротворен созерцанием уральских пейзажей, удивлен образом жизни лесных людей. Ритм жизни в поселках Кизел и Чермоз показан на контрасте с примитивным укладом жизни на рудниках и в лесных урочищах, но все это части единой горнозаводской цивилизации.

В наши дни эти красивые места Среднего Урала осваиваются туристом: в окрестностях горы Ослянки действует база «Рассольная», возле г. Губахи на горе Крестовой действуют горнолыжный центр, базы отдыха, р. Усьва – самое популярное направление сплавов, Усьвинские столбы и Каменный город посещают десятки тысяч человек в год. Чермоз, самый маленький город Пермского края, принимает немногочисленные экскурсии. Идея транспортной связи этой части Прикамья с другими регионами через Екатерининский канал могла реализоваться в XXI в. в проекте Белкомур (БЕЛое море – КОМи – Урал), который не осуществлен.

По Сибирскому тракту в центр Демидовского Урала. Четвертый этап путешествия охватывает значительный отрезок пути от Перми до Екатеринбурга и далее до Невьянска, Нижнего Тагила, Салды. По времени он длится с середины лета до начала сентября. Гужевой способ передвижения определяет тесный контакт путешественника с пространством. Узость кибитки, жесткий ход телеги, разбитость дороги, физическое напряжение и усталость, скученность людей и обозов создают образ труднодоступного переезда за Урал. Описания Сибирского тракта полны оценочных суждений. Путник постоянно жалуется на благоустройство самой дороги, полотно которой составляют прутья, булыжники, крупные камни, в дождь дорога раскисает, кони калечат копыта. Дорога *«гадкая и убийственная»*: *«все прегрешения могут проститься человеку за страдания, испытанные им по этому пути»* [15, с. 264].

Эмоции усиливаются при встрече с арестантами, местные крестьяне снимают шапки, кланяются страданию каторжников, подают милостыню: *«Мы их страсть жалеем. Как в село к нам приведут – сейчас молока им, хлеба. Оборони Бог деньги взять с них!»* [15, с. 277]. Столб на границе Европы и Азии воспринимается как граница своего и чужого: на вершине столб каменный, пьедестал *«Граница Европы и Азии»*, *«страшное место»*, *«несчастные в кандалах в последний раз оглядывались отсюда назад, на свою на веки вечные покидаемую родину – закат в Европе и густые сумерки в Азии»* [15, с. 282]. Сибирский тракт роднит путников: *«Мы были уже с неделю в пути на этой ужасной каторжной дороге»* [15, с. 291].

В гужевых путешествиях Урал приобретает характеристики гипертрофированной реальности – расстояния огромны и малолюдны, угрюмый лесной и гористый ландшафт усиливает ощущение непохожести [5]. Это мир, где живет чуждое, *«ушедшая под землю»*. За селом Ключи стоит Ермакова гора: *«Тут допреж разная неверная чуждое жила. Шел Ермак – и давай воевать ее. Бились они, бились – а там две горы стояли; промеж них-то и*

загнал Ермак неверного царя. А царь этот волшебный был: видит он – нет ему пути. Ни вперед, ни назад, конец неверной душе приходит, и заклил он эти горы. Лучшие же, говорит, мне от горы пропасть, чем от меча христианского» [15, с. 278]. С тех пор чудские люди насылают сюда непогоду и грозы.

После Ключей сёла идут громадные, тянутся на версты, в них стоят большие дома, гуляют бараны, телята. Мужики здесь сытые, а бабы красивые, ядреные, «одна за двоих мужиков управится». Даже покатые горы здесь «как перси», местные называют их «титечные». Мужики: кто в заводе, кто на кожевенном производстве работает, а хозяйство одной бабой держится: «Баба и на медведя ходит и арестантов водит» [15, с. 264].

Два шумных, торговых города стоят на Сибирском тракте – Кунгур и Екатеринбург. Кунгур – «город большой, да красовитый» – играет огромную роль в торговле этого края. Отсюда отправляется продукция на многие миллионы – кожа, сало, чай, железо. Купец здесь – первый человек, а улицы с утра залиты народом: башкиры, татары, пермяки, русские – все смешались в одну пеструю толпу. Всюду запах кожи, возы с ивовой корой для кожевен. Крестьяне едут с овсом и хлебом, мальчишки – с целыми горами деревянной посуды, мужики съезжаются покупать серпы и косы. Кругом щеголеватые дома купечества и рвань мешанского убожества. Массы огнеупорного известняка белеют вокруг города, и город построен на скалах из этой же породы.

Город Екатеринбург богатый, в гостиницы съезжаются хозяева приисков, заводчики и вся денежная аристократия округа. Торг здесь идет не только золотом и рудой, но и салом, куделью, щетиной, льняным семенем. Это центр производств и транспортный узел, он стягивает к себе денежные силы края. Пирьы здесь идут как «сатурналии», пьют все, даже коней, медведей и козлов поят. В гостиницах с пьющих гостей меньше берут за постой. Много мошенничества и убийств происходит здесь из-за золота. Немирович-Данченко дает характеристику двум типичным персонажам – старателю и гранильщику. Старатель – по сути своей одиночка, «любопытный тип, выработанный местными условиями». Старателю выдают разрешение на поиск золота, он берет вашгер (инструмент для промывки песка), муку, силки и ружье и уходит с этим в лесную глушь, к ручью. Строит шалаш и долго живет один, и сам дичает: «дикий зверь, беглый каторжник, голод – его враги». Вольный гранильщик, работающий на Императорскую фабрику, – это аристократия рабочего класса. Изготавливая художественные изделия из родонита, изумруда, хризолита, топаза, аметиста, он не спешит расстаться с ними. И тот, и другой трудятся усердно и в момент могут разбогатеть от удачи, оба болеют своей работой.

Автор посещает Березовский прииск, где идет добыча драгоценных минералов, золотоносной ртути, спускается в черную шахту, в сырой темноте скользит по боковым штрекам. Здесь трудно дышать и ничего не видно, брызги воды льют отовсюду, бадья с породой скрипит и поднимается вверх. Он спешит к выходу: «Грудь жадно вбирала в себя воздух. Глаза с любовью останавливались на зелени полей» [15, с. 316]. Немирович испытывает тоску по солнцу. Темнота, сырость, спертый воздух притупляют зрение и обостряют слух и обоняние. Внимание Немировича-Данченко приковано к человеку труда, который работает на пределе возможностей: рудокоп как «червь в орехе», штольни – как внутренности земли. Божий свет нестерпимо бел по сравнению с подземельем. Условия труда в штольне сродни преступлению против человеческой природы. Автор покидает штольню, не желая быть причастным к этим преступлениям.

По пути к демидовским заводам, в Верх-Нейвинск и Нижний Тагил, беллетрист размышляет обо всём увиденном на Урале, еще раз описывает характеры людей и тот отпечаток, что накладывает на них род занятий: золото – развращает людей, старатели – легкомысленны, у них покладистая совесть. Железо – металл строгий, он дает целые поколения сумрачных и строгих людей. На железном деле люди много думают, имеют дело с машинами, складываются

в твердые, стойкие формы, как будто чугун или железо передают им свои качества. В Тагиле он уверяется, что гений места на Урале – это человек, который занят в процессах производства металла и это умственно развитый народ: *«Производство в Тагиле ведется в самых широких размерах: металл плавится здесь в трех доменных и четырех вагранных, двух отражательных для переливки чугуна и двух пудлинговых печах. Все эти каменные утробы обладают таким аппетитом, что могли бы пережевать все уральские леса»* [15, с. 355].

Кульминацией маршрута становится посещение металлургического завода в Нижней Салде, который он называет «храмом Бессемера». Огромная домна подобна вавилонскому сооружению, где происходит космогоническая картина творения мира – рождение чугуна *«из общей стихийной жидкости»*, которая выбрасывает *«во мрак мириады солнц»*. Рабочий у домны в самой глубине Урала – жрец этого таинства и гений места.

Ключевые географические образы четвертого этапа: большая дорога, тяготы пути, арестанты, города – центры торговли и производств, города-заводы, крепкий народ, крупные села, купцы, старатели, мастера-гранильщики, шахтеры, металлурги. Богатство, труд, органическое единство ландшафта, его недр и человека. В наши дни Кунгур, Екатеринбург, Невьянск, Нижний Тагил, посёлки-заводы и старые прииски – это известные центры культурно-познавательного и промышленного туризма, многие музеи региона посвящены горнозаводской тематике, ювелирному делу, истории Демидовских заводов.

Цвет, звук, запах — авторские средства создания образов динамического ландшафта

Производственные процессы и окружающий ландшафт в очерках Немировича-Данченко обнаруживают внутреннее родство. Для пейзажных описаний характерно подчёркивание динамизма ландшафта, его готовность прийти в движение – издавать звуки, менять краски, благоухать. Географические образы Урала не только представлены визуально и социально, но и наделены цветовыми, звуковыми и обонятельными характеристиками.

Цвет. Хороший способ передать настроение, он делает изображение полным, цельным, завершённым. Писатель видит цвет: белый, изумрудный, голубой, огнистый, светлый, черный. Картины на берегу он раскрашивает в яркие краски: *«Когда наш пароход, пыхтя и выбрасывая тяжёлые клубы черного дыма, проходил мимо – иковские бабы и девки с гребня поспешино сбегали вниз к пристани. Ветер во все стороны разбрасывал яркие полотнища их пестрых сарафанов, на солнце кумач горел как пламя»* [15, с. 55]. Бабы в кумачовых сарафанах, словно яркие маки, карабкаются вверх по меловым скалам. Кумач – это ярко-красная хлопчатобумажная ткань, которая считается праздничным цветом – такое праздничное восприятие окружающего характерно для путешествующего на пароходе. Ярко-красный цвет – это также цвет напряженного труда: *«взрыв красного пламени»* вырывается из домны; красный цвет имеет руда: *«скалы красные – железной окисью покрыты»* и недра земли: *«среди этих красно-бурых масс кажется рудокопу, что схоронили его глубоко под землю»*. Зеленый цвет умиротворяет и успокаивает – это лес на Урале, который лежит как *«зеленые облака»*, и скалы по берегам рек, что как *«массы зеленого камня горбами выдаются над водою»*.

Звук. Звукопись – лаконичное средство художественной образности, которым пользуется Немирович-Данченко, создавая образы горнозаводского ландшафта: *«тяжело пыхтят душные газовые заводы»*, *«словно насутились разваливающиеся варницы»*; насос рассольный *«хрипит, словно громадное чудовище бьется и жалуется»*; старый рассольный ларь издает *«могильные стоны, точно под почвой целые сотни живых, еще бьющихся в своих тесных гробах»*, соль, при рождении *«подаёт голос»*, движение механизмов издает мажорные звуки: *«вагончики, весело погромыхивая и постукивая, поднимались в гору»*. На большом тагильском заводе разрозненные звуки превращаются в целый оркестр: *«Я не перечислю всех здешних машин, пыхтение, грохот, свист которых вместе с шорохом ремней, вздохами и*

криками стали под паровыми пилами, визгом железа, в твердое тело которого ввертывается с головокружительной быстротой еще более крепкий бур, шумом воды, сбегаящей с колоссальных гидравлических козел, являются музыкой труда, гораздо более приятной для некоторых ушей, чем настоящая» [15, с. 355]. Самые ужасающие звуки доносятся из глубины шахт: в Луньевских коях «точно в невидимых склепах бьются там тысячи на веки заключенных живых существ», на Березовском прииске «в вечной тьме прикованное железными цепями к нерушимым подземным скалам бьется, хрипит, стонет и жалуется какое-то чудовище» [15, с. 314]. Звуками наполнена уральская природа: близ устья Камы автор слушает тишину «отличительный характер пейзажа – спокойствие, ничем невозмутимое. <...> Где-то издали слышится резкий и звучный крик лебедя... Точно какая-то металлическая толстая струна лопнула, и последний предсмертный крик этой струны дрожит над молчаливой окрестностью»; деревья «гудят», вершины сосен «ведут между собою важную, торжественную беседу»; звучат горные речки: «под самыми ногами Куморка шумит, точно смеется яркому солнцу и летнему теплу»; «горный поток бежит, как расшалившийся мальчуган перескакивает через камни и уступы, оглашая своим бесшабашным криком молчаливую пустынь». Города имеют свой голос: «Лаишев... Целый город шумит, движется, суется на воде», в Кунгуре – базары повсюду, «все это орет и галдит... петухи орут во всю глотку», женщины говорят «певуче», по Сибирскому тракту «однообразно скрипят кунгурские колеса». Панорамы речных долин, лесных массивов, соляных промыслов, горных заводов не только визуальны точны, но и озвучены. Звуковая среда соответствует тому природному или культурному основанию, для которого она характерна [19].

Запах. Запахи для художника становятся одним из инструментов создания образа, запоминаются и будят воображение. На Каме, возле села Богородское, «смолистый запах сосновых досок, запах луба, мочала, теса», возле Перми «вас обдает дымом и маслянистой гарью, объясняемыми близостью мотовилихинских заводов», у села Романово «деревья жмутся с обеих сторон, <...> не посторонись – хлестнет, обдав запахом березы», у Пьяного бора «от местной земляники чувствуется легкое опьянение, кружится голова», на пути из Перми в Кунгур «пахнет липовым цветом», возле Билимбая «сильно запахло душимянкой», в Усолье «потеют соляным раствором и плачут соляными слезами», у Кунгура «противный, удушающий запах кожи». Вонь от трупов коней стоит по обочинам Сибирского тракта, в лачугах крестьян, что строят «чугунку», силен «запах кислой капусты», сырость и спертый воздух стоят в шахтах.

Слова, передающие цвет, звук, запах, являются эффективным средством создания географического образа – помогают определить тип местности, время суток и время года, характер деятельности человека. Весенне-летний Урал наполнен ароматами смолы, хвои, шиповника, липового цвета, душицы, речной прохлады, горные заводы – гарью и копотью, сыростью низин и шахт. Эти эпитеты в целом создают динамичный образ горнозаводского Урала.

Географические образы книги «Кама и Урал» и их дальнейшее бытование

Вопросы развития внутреннего туризма связаны не только с созданием необходимой инфраструктуры, но и с разработкой содержательной концепции путешествия. Туристу важно иметь впечатление о месте посещения, целостное и яркое. Поэтому методики выявления гуманитарно-географических образов территории, технология их презентации и, в конечном счете, монетизации востребованы в наши дни. Совершая путешествие вместе с В.И. Немировичем-Данченко по Каме и Уралу, мы открываем основные структурные компоненты горнозаводского ландшафта и образы, которые нашли развитие в творчестве других писателей. В.И. Немирович-Данченко – один из первых «бросил» взгляд на регион извне и сумел открыть художественное целое Урала, которое взаимосвязано с природными ландшафтами и горнозаводским производством. В его очерках наблюдаем становление системы общих мест в описании Урала:

Рекреационная география и туризм

Фирсова А.В.

– мифопоэтическое восприятие региона как места легенд и преданий станет основой художественного мира сказов П.П. Бажова, найдет отражение в романе А.В. Иванова «Сердце пармы»;

– этническая пестрота речных городов и сёл, толерантность и способность «речного человека» быть другом всему живому проявятся в мемуарной прозе М.А. Осоргина;

– приемы физиогномического описания уральцев (скуластые, узкоглазые, сильные, руки, что лопаты) встречаем в путевых заметках А.П. Чехова;

– описания многострадального Сибирского тракта – характерная черта для беллетристики XIX в.;

– выделение типов людей уральского ландшафта: лесовик-отшельник, сплавщик, заводской человек найдет развитие в романах Д.Н. Мамина-Сибиряка и А.В. Иванова;

– экзистенциальный страх, который испытывает человек при погружении в шахту, работа на кромке между жизнью и смертью – станут мотивами стихотворений «Рудник» Б.Л. Пастернака, «Я верил в розовые сказки» А.Л. Решетова;

– единство уральского ландшафта, его недр и человеческого труда формирует образ своеобразного мира, отличного от территорий центральной России или Русского Севера, является основой концепции горнозаводской цивилизации в трудах П.С. Богословского, Л.В. Баньковского, В.В. Абашева, А.В. Иванова.

С точки зрения прагматики художественного текста отметим, что все этапы пути, пройденные в конце XIX в. Немировичем-Данченко, являются действующим каркасом круизных, активных и культурно-познавательных туристских маршрутов, а его книга служит источником образных описаний для экскурсионного текста. Выявление звукового ландшафта имеет особые перспективы для создания оригинального аудиогuida с последующим внедрением его в круизные речные маршруты. Комплексная географическая методика исследования литературных путешествий показывает, что описание территории в очерках, изданных более 140 л.н., не теряет своей актуальности, социальной остроты и способности воздействовать на воображение читателя. Книга, по сей день оставаясь визитной карточкой региона, способствует претворению идей, связанных с моделированием новых маршрутов. Благодаря этому Министерство культуры Пермского края в 2021 г. поддержало проект первого переиздания знаменитой книги, которую на сегодняшний день можно читать в современной орфографии с сопровождением фотографий путешественников XIX – начала XX в.

Список источников

1. Абашев В.В. Пермь как текст // Пермь в истории русской культуры и литературы XX в. Пермь: ОАО ИПК «Звезда», 2008. 296 с.
2. Абашев В.В. «Дикая красота и сумрачное величие...». Панорама Урала в путевых очерках В.И. Немировича-Данченко // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2015. Вып. 4. С. 67–78.
3. Абашев В.В. Увидеть Урал: ландшафтные описания Вас. И. Немировича-Данченко и Д. Н. Мамина-Сибиряка // Уральский исторический вестник. 2016. № 1(50). С. 25–31.
4. Веденин Ю.А., Кулешова М.Е. Культурные ландшафты как категория наследия // Культурный ландшафт как объект наследия. М.: Изд-во Ин-та наследия; СПб., 2004. С. 13–16.
5. Власова Е.Г. О контакте с пространством: образ Урала в литературе путешествий XIX-начала XX века // По Каме и Уралу: путевые записки конца XIX – начала XX века. Пермь, 2011. С. 8–19.
6. Власова Е.Г. У истоков образа Урала: отчёты учёных о путешествиях конца XVIII в. // Культурная и гуманитарная география. 2013. Т. 2. № 2. С. 159–171.
7. Власова Е.Г. Маршруты путешествий и особенности формирования образа пространства в уральском травелогe XVIII–начале XX в. // Лабиринт. 2015. № 1. С. 34–49.
8. Власова Е.Г., Ведерников А.П. Травелог в истории литературного открытия Урала: к вопросу о роли жанра в структуре локального текста // Уральский исторический вестник. 2019. № 2(63). С. 145–152.
9. Ефремова Е.Н. Образ Урала в путевых очерках В.И. Немировича-Данченко // Образ Урала в документах и литературных произведениях (от древности до конца XIX века). Екатеринбург: Сократ, 2007. С.186–222.
10. Замятин Д.Н. Понятие геокультуры: образ и его интерпретации // Социологический журнал. 2002. № 2. С. 5–12.
11. Замятин Д.Н. Гуманитарная география: пространство, воображение и взаимодействие современных гуманитарных наук // Социологическое обозрение. 2010. Т. 9. № 3. С. 26–50.
12. Зырянов А.И. Формула места // Региональные исследования, 2013. № 2(40). С. 20–24.
13. Калуцков В.Н. Ландшафт в культурной географии / Российский научно-исследовательский ин-т культурного и природного наследия им Д.С. Лихачева / Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. М.: Новый Хронограф, 2008, 317 с.

Рекреационная география и туризм

Фирсова А.В.

14. Калущков В.Н. Южанин в Сибири: литературно-географическое исследование путешествия А.П. Чехова (на материале очерков А.П. Чехова «Из Сибири» и его путевых писем) // Географический вестник. 2021. № 3(58). С. 74–91.
15. Немирович-Данченко В.И. Кама и Урал: очерки и впечатления / отв. ред. Е.Г. Власова; Перм. гос. нац. исслед. ун-т. СПб.: Маматов, 2021. 456 с. URL: https://mk.permkrai.ru/programmy/proekty-i-konkursy/proekty/permskaya-biblioteka?sphrase_id=463296.
16. Николаев Ю.К. Историческая география Пермского края. Избранные главы/ Ю.К. Николаев; Перм. гос. нац. исслед. ун-т. Пермь, 2015. С.10.
17. Печерская Т.И. Проект «Аннотированный указатель “Русский травелог XVIII – начале XX в.”»: К постановке проблемы // Русский травелог XVIII–XX веков: маршруты, топосы, жанры и нарративы: монография / под ред. Т.И. Печерской, Н.В. Константиновой. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2016. С. 8–20.
18. Теленков А.В. Национальное самосознание русских во второй половине XIX – начале XX века (по материалам среднего Урала): автореф. дис. . . . канд. истор. наук, Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та, 2003. 30 с.
19. Фирсова А.В. Звуковое пространство в уральских травелогах: мат. для интерактивной карты региона // Традиционная музыкальная культура строгановских вотчин: мат. Всерос. науч. конф. «Строгановские чтения VIII». Усолье, 2016. С. 22–27.
20. Фирсова А.В., Лившиц Е.В. Формы работы с литературным наследием в музее «Дом Пастернака» // Музей – Памятник Наследие. 2019. № 2(6). С. 123–131. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=43844588>.

References

1. Abashev, V.V. (2008), *Perm' kak tekst. Perm' v istorii russkoj kul'tury i literatury HKH veka*, ОАО ИПК «Zvezda», Perm', Russia.
2. Abashev, V.V. (2015), «Dikaya krasota i sumrachnoe velichie...». Panorama Urala v putevyh ocherkah vas. I. Nemirovicha-Danchenko, *Vestnik Permskogo universiteta. Rossijskaya i zarubezhnaya filologiya*, vol. 4, pp. 67–78.
3. Abashev, V.V. (2016), Uvidet' Ural: landshaftnye opisaniya Vas. I. Nemirovicha-Danchenko i D. N. Mamina-Sibiryaka, *Ural'skij istoricheskij vestnik*, no. 1(50), pp. 25–31.
4. Vedenin, Yu.A., Kuleshova, M.E. (2004), Kul'turnye landshafty kak kategoriya naslediya, *Kul'turnyj landshaft kak ob'ekt naslediya*, pp. 13–16.
5. Vlasova, E.G. (2011), O kontakte s prostranstvom: obraz Urala v literature puteshestvij XIX-nachala HKH veka, *Vstup. St. v sb. Po Kame i Uralu: putevye zapiski konca XIX – nachala HKH veka*, pp. 8–19.
6. Vlasova, E.G. (2013), U istokov obraza Urala: otchyoty ob uchyonyh puteshestviyah konca XVIII v., *Kul'turnaya i gumanitarnaya geografiya*, vol. 2, no. 2, pp. 159–171.
7. Vlasova, E.G. (2015), Marshruty puteshestvij i osobennosti formirovaniya obraza prostranstva v ural'skom traveloge XVIII–nachale XX v., *Labirint*, no. 1, pp. 34–49.
8. Vlasova, E.G., Vedernikov, A.P. (2019), Travelogi v istorii literaturnogo otkrytiya Urala: k voprosu o roli zhanra v strukture lokal'nogo teksta, *Ural'skij istoricheskij vestnik*, no. 2(63), pp. 145–152.
9. Efremova, E.N. (2007), Obraz Urala v putevyh ocherkah V.I. Nemirovicha-Danchenko, *Obraz Urala v dokumentah i literaturnyh proizvedeniyah (ot drevnosti do konca XIX veka)*, Izdatel'stvo «Sokrat», Ekaterinburg, Russia, pp. 186–222.
10. Zamyatin, D.N. (2002), Ponyatie geokul'tury: obraz i ego interpretacii, *Sociologicheskij zhurnal*, no. 2, pp. 5–12.
11. Zamyatin, D.N. (2010), Gumanitarnaya geografiya: prostranstvo, voobrazhenie i vzaimodejstvie sovremennyh gumanitarnyh nauk, *Sociologicheskoe obozrenie*, vol. 9, no. 3, pp. 26–50.
12. Zyryanov, A.I. (2013), Formula mesta, *Regional'nye issledovaniya*, no. 2(40), pp. 20–24.
13. Kaluckov, V.N. (2008), *Landshaft v kul'turnoj geografii*, Rossijskij nauchno-issledovatel'skij in-t kul'turnogo i prirodnoho naslediya im D.S. Lihacheva, Moskovskij gos. un-t im. M.V. Lomonosova, Geograficheskij fak, Novyj Hronograf, Moscow, Russia.
14. Kaluckov, V.N. (2021), Yuzhanin v Sibiri: literaturno-geograficheskoe issledovanie puteshestviya A.P. Chekhova (na materiale ocherkov A.P. Chekhova «Iz Sibiri» i ego putevyh pisem), *Geograficheskij vestnik*, no. 3(58), pp. 74–91.
15. Nemirovich-Danchenko V.I. (2021), *Kama i Ural: ocherki i vpechatleniya*, Perm. gos. nac. issled. un-t, Mamatov, St-Peterburg, Russia, available at: https://mk.permkrai.ru/programmy/proekty-i-konkursy/proekty/permskaya-biblioteka?sphrase_id=463296.
16. Nikolaev, Yu.K. (2015), *Istoricheskaya geografiya Permskogo kraya. Izbrannye glavy*, Perm. Gos. nac. issled. un-t, Perm', Russia.
17. Pecherskaya, T.I. (2016), *Proekt «Annotirovannyj ukazatel' “Russkij travelog XVIII – nachale XX v.”»: K postanovke problem*, Russkij travelog XVIII–XX vekov: marshruty, toposy, zhanry i narrativy: kollekt, Izd-vo NGPU, Novosibirsk, Russia, pp. 8–20.
18. Telenkov, A.V. (2003), *Nacional'noe samosoznanie russkikh vo vtoroj polovine XIX – nachale XX veka (po materialam srednego Urala)*, Avtoreferat dissertacii na soiskanie uch. st. kand. ist. n., Perm. gos. un-t., Perm', Russia.
19. Firsova, A.V. (2016), Zvukovoe prostranstvo v ural'skikh travelogah: material dlya interaktivnoj karty regiona, *Tradicionnaya muzykal'naya kul'tura stroganovskih votchin, Materialy Vseross. nauchn. konf. «Stroganovskie chteniya VIII»*, Usol'e, pp. 22–27.
20. Firsova, A.V., Livshic, E.V. (2019), Formy raboty s literaturnym naslediem v muzee «Dom Pasternaka», *Muzej – Pamyatnik Nasledie. ZHurnal*, no. 2(6), pp. 123–131, available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=43844588>.

Статья поступила в редакцию: 02.09.2022; одобрена после рецензирования: 18.11.2022; принята к опубликованию: 06.03.2023.

The article was submitted: 2 September 2022; approved after review: 18 November 2022; accepted for publication: 6 March 2023.

Информация об авторе

Information about the author

Анастасия Владимировна Фирсова

кандидат географических наук, доцент кафедры туризма,
Пермский государственный национальный
исследовательский университет;
614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15

Anastasija V. Firsova

Candidate of Geographical Sciences, Associate Professor,
Department of Tourism, Perm State University;
15, Bukireva st., Perm, 614990, Russia

e-mail: firsova@mail.ru